

На кольце царя Соломона было написано: «Все проходит. И это пройдет». Не случайно его называли Мудрым. А еще он сказал: «Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их — путь к смерти». У человека всегда есть выбор. Был он и у Александра Васильевича СОЛОМОНОВА, декана факультета электроники, доктора физико-математических наук, профессора ЛЭТИ.

Выбор Соломонова

— Александр Васильевич, откуда такая «мудрая» фамилия?

— Фамилию получил мой прадед. С тем же успехом мог быть и Осиповым. По линии отца я потомок крепостных графа Шувалова. У него было недалеко от Питера имение — Вартемяки. Корнями я оттуда. Соломоновыми мы стали, думаю, в конце XIX века, когда было велено всем крестьянам раздать фамилии. У моей тетки на чердаке валялась солдатская шапка прадеда. За отворот была вложена бумажка — что-то вроде призывного свидетельства в армию. — Россия же всегда вела боевые действия. Призывался крестьянин Петербургского уезда, упоминалось имение Шувалова, сельсовета тогда никакого не было, все шло через управляющего имением. И указано имя — Иван Осипович Соломонов. А года за четыре до этого ему продали два воза жердей за каких-то 54 копейки. И разрешение дали на вывоз, как Ивану Осипову, о чем сохранилась квитанция. Раньше, если отца звали Осип, сын становился Осиповым. Потом прадед стал старостой в Вартемяках. А управляющий у Шувалова, похоже, был с юмором. Когда он фамилии раздавал, глядел то ли в Библию, то ли еще куда. Так в деревне появились Моисеев, Соломонов...

— И в какой семье в 49-м году появился Саша Соломонов?

— Папа 22 июня 1941 года окончил ЛИИЖТ, и его сразу призвали: вместо паровозов оказался на фронте. Сначала на Ленинградском, а закончил в Манчжурии. Прошел всю войну от звонка до звонка. Вернулся в Питер и устроился в Институт прикладной химии, там проработал с 46-го до последних дней. А мама окончила Герценовский, всю блокаду была в Ленинграде. По образованию она — биолог. После войны работала в Институте радиационной гигиены, в Институте гриппа. Так что родился я в семье советской интеллигенции. И жили мы на улице Мира на Петроградской стороне.

— В коммуналке? «На 38 комнаток всего одна уборная»?

— В коммуналке, естественно. Комнаток, к счастью, было немного. Во дворе — сараи, дрова...

— Вот бегают дворовый мальчик?

— Конечно. Я сейчас вспоминаю — так отпускать детей... В свои шесть лет где мы только не болтались!

— Дралась?

— Бывало. Иногда двор на двор. Но драки были не злыми, скорее это были, как на Руси, кулачные бои. Боже упаси ударить кого-то ногой. Вот синяк под глазом — это случалось.

— В 53-м году, когда Сталин умер, вам и четырех не было...

— Да, и родители мою реакцию по этому поводу запомнили. Напротив райкома партии была доска почета с профилями Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. И я искренне удивлялся — народ стоял перед этими профилями и плакал. Не понимал я — чего плакать-то? Сталин для меня тогда был этот самый гипсовый профиль.

— Репрессии вашей семьи не коснулись?

— Прадеда моего посадили. Годов ему было тогда уже за 80. Старики собирались в чайной и обсуждали все, что происходит. А в 24-м году, когда Ленин умер, прадед ска-

зал: «Ну что ж, умер бродяжка, глядишь, и порядок наведут». Кто-то это запомнил. И когда появились комиссары и начали выполнять план, искать, кто что сказал, вспомнили прадеда. Умер он в тюрьме.

— Школьные годы чудесные как прошли?

— Учился я хорошо и легко. Любил физику. Тогда появились карманные приемники на транзисторах, их называли полупроводниками. Не понимая, как это все работает, но зная схему, спаял в 6-м классе приемник. Часть денег на радиодетали родители дали. Остальное пришлось сэкономить на завтраках — 94 копейки стоил абонемент на неделю.

— И с будущим все стало ясно?

— ЛЭТИ выбрал сразу. По идее я должен был идти на радиотехнический факультет. Но тогда, в шестидесятые годы XX века, физики были, как сейчас говорят, мачо. Символом успешности. И очень хотелось быть физиком. Еще одно обстоятельство — в школах начали проводить профориентацию. Мы два месяца работали на «Позитроне», собирали конденсаторы. И я почувствовал, что такое конвейер, увидел, как там у людей просто крыша едет. Понял тогда — без высшего образования в этой жизни никак. Окончил школу с медалью и поступил на электрофизический факультет на кафедру диэлектриков и полупроводников. В ЛЭТИ, кстати, была такая песня: «Слово физик начинается на фэ, факультета лучше нету эф-фэ-фэ».

— Дальше все было просто?

— Дальше получилось забавно — получил пять по физике, то есть поступил, выхожу из аудитории, несу экзаменационный лист, а там дядя сидит и предлагает всем медалистам, получившим отличную оценку, зайти в комитет комсомола. Там разговор примерно такой: «Еще один лэтишник, молодец, поздравляем, но надо помочь». На следующий день, собрав таких же ребят-медалистов, нам сказали: «Надо поехать на стройку». И в августе я оказался в студенческом строительном отряде «Свирь-7» в Лодейном Поле. Я просто был сражен интеллектуальным уровнем ребят — студенты читали стихи, причем такие, о которых ты не слышал и не знаешь, где их печатали. Да и сама атмосфера этого товарищества дорогого стоила.

— Что вы там строили?

— Больницу. Работа была тяжелая, но там многому научился. Я потом ездил на стройки каждый год. Закончил свою строительную карьеру членом бюро объединенного штаба студенческих отрядов. Возглавлял его тогда Александр Михайлушкин, ныне —

ректор Инженерно-экономического университета.

— В те годы такая карьера путевку в «большую» жизнь давала...

— В 71-году была партийная установка на то, что надо студенчество приручать. В 68-м случились чехословацкие события, во Франции — студенческие волнения. И в Политбюро решили наградить студентов за участие в строительных отрядах. Шесть человек от Питера наградили орденами. Мы с Михайлушкиным получили орден «Знак Почета». ЛЭТИ в этих стройках был заметным вузом — пять лет подряд признавался лучшим. Эта награда была не лично моя — надо было трезво смотреть на вещи. Просто я был секретарем комитета комсомола ЛЭТИ и студентов-отличником. А партия сказала — студентов наградить, а не функционеров комсомольских. Ну и дальше решили продемонстрировать широкой общественности, что единение студенчества и партии у нас полное, провели первый и, по моему, единственный Всесоюзный слет студентов. Готовил его ЦК комсомола. Мне поручили вести слет. За день до открытия стало известно, что планируется выступление Брежнева. Уровень сразу поднимался до мирового.

— Вы и Брежнева видели?

— Я вышел к микрофону, Тяжельников, первый секретарь ЦК ВЛКСМ, говорит: «Все нормально, я рядом». Текст мне дали, слова приличные, я мог такие же сказать. Никаких здравниц тогда еще не было и слов «лично вас, дорогой Леонид Ильич» — тоже. Вдруг — бабах — появляется все Политбюро. Брежнев идет, естественно, в первый ряд и садится рядом со мной. И получилось: я у микрофона, с одной стороны — Тяжельников, с другой — Леонид Ильич.

— Перед этим металлонскателем не ошупывали?

— Нет, но охраны было много. Были кагэбэшные ребята в костюмах, аккуратно подстриженные, приятно пахли.

— И от Политбюро тоже вкусно пахло?

— От Брежнева? Да-а. Совершенно нормальный мужик, хорошо выбрит. Я сказал все слова, полагающиеся при открытии

столь важного мероприятия, и предоставил слово Брежневу. Леонид Ильич выступил хорошо, язык был человеческий. Вернулся, сел. В зале — аплодисменты. Тут Брежнев мне говорит: «Что-то я устал». Тяжельников тут же берет микрофон и объявляет: «Перерыв на 20 минут». А Сан Саныч Вавилов был в это время в Казани на совещании ректоров. Тогда было важно, кого где посадили в президиуме, последствия — на пять лет вперед. Потом Вавилов сказал: «Саша, ты мне такой подарок сделал, я гоголем ходил, и все спрашивали — почему студент именно из ЛЭТИ?».

— И что было дальше?

— Тяжельникову я приглянулся. Должно было быть какое-то совместное с ГДР мероприятие: звонят из ЦК в наш обком ВЛКСМ и требуют, чтобы меня командировали в Москву, нужно было быстро оформлять загранпаспорт.

— Это был первый выезд за границу?

— А я не поехал. В аппаратных играх я уже разбирался, для меня было крайне полезно поработать в комсомоле — без этого трудно было понять, как функционирует власть в стране. Кого куда двигают, как делаются карьеры. Я для себя решил: профессионально этим делом заниматься не хочу. Зачеркнуть карьеру, ту, ради которой пришел в ЛЭТИ? Потом было предложение стать секретарем Петроградского райкома комсомола.

— И?

— Я сказал: ребята, вы допускаете ошибку. Тогда основная задача ставилась перед молодежью — пятилетку в четыре года. Основной контингент для выполнения этой задачи — рабочий класс. А что у меня? Вуз с отличием,

Биографии рабочей никакой. Мне любой токарь скажет: «Ты, парень, сначала у станка бабку поверти заднюю, а потом мне будешь пять в четыре». Вообще, говорю, у меня нормально все идет, аспирантура намечается. Я руками поработаю, и берите меня потом. В общем, аккуратно соскочил в 74-м году в аспирантуру, и дальше все сложилось: кандидатская, докторская, преподавательская работа.

— А ведь могли бы стать олигархом...

— А я и так мог разыграть эту карту. Для этого нужно было сохранить круг знакомств, а я его сохранил. Плюс к этому — пересмотреть свои моральные принципы. К тому же это личный выбор. Среди моих друзей несколько человек — очень богатые люди. Как делаются деньги, я знаю, студентам технологию рассказываю, причем в сфере профессиональной деятельности. Им это очень нравится.

— Чтобы честно, и чтобы не наехали?

— Западные деньги, если ты их делаешь в хайтеке, то есть на передовых технологиях, это не пивной ларек, не нефть, не бензоколонка, это бизнес, в котором ребята в малиновых пиджаках мало что понимают. Это не их ниша, им ее не занять. Это поле деятельности, к примеру, для выпускников аспирантуры.

— А вам не хотелось в бизнес поиграть?

— На заре 90-х было предложение участвовать чуть-чуть в нефтяном бизнесе — друзей-то много комсомольских. Я тогда своему немецкому другу сказал — предложение есть по нефти. Он ответил: «Саша, богатеть надо медленно. Нефть, наркотики, алкоголь, оружие — это не наш бизнес. Лучше быть в меру богатым, но живым». Не каждому дано осознать, что деньги счастливым не делают. Более того, ты становишься заложником своего капитала. Эти слова я вспомнил на пышных похоронах Дмитрия Филиппова, тоже лэтишника с комсомольской биографией, занимавшегося, в том числе, нефтяным бизнесом.

— Вы состоятельный человек?

— Состоявшийся.

Наталья КУЗНЕЦОВА